

Спирягина Ольга Андреевна

**СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДИАЛОГИЗМА В
РОМАНАХ Ф.М.ДОСТОЕВСКОГО «БЕСЫ» И М.ГОРЬКОГО «ЖИЗНЬ
КЛИМА САМГИНА»**

10.01.01 – Русская литература

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Казань
2013

Работа выполнена на кафедре истории русской литературы ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
Саяпова Альбина Мазгаровна

Официальные оппоненты – доктор философских наук, кандидат филологических наук, профессор кафедры русского и татарского языков ФГБОУ ВПО «Казанский государственный энергетический университет»
Синцов Евгений Васильевич

кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВПО «Казанский государственный университет культуры и искусств»
Сорокина Татьяна Викторовна

Ведущая организация – ФГБОУ ВПО «Магнитогорский государственный университет»

Защита состоится «30» мая 2013 года в 12.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.081.14 при ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» по адресу: 420021, г. Казань, ул. Татарстан, 2, ауд. 207.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» по адресу: 420002, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 35.

Электронная версия автореферата размещена на официальном сайте ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»: <http://www.kpfu.ru>

Автореферат разослан «___» _____ 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук,
доцент

Р.Л. Зайни

Общая характеристика работы

В романах Ф.М. Достоевского «Бесы» (1871-1872) и М. Горького «Жизнь Клима Самгина» (1925-1936) представлены сложные периоды общественного развития, освещаются человеческие судьбы, мысли и чувства в контексте переходных этапов российской истории. Исследование произведений «Бесы» и «Жизнь Клима Самгина» мотивировано типологическими связями между романами как на тематическом, проблемном, так и художественном уровнях. Тематическая близость произведений объясняется схожестью изображаемых писателями исторических реалий: историческое время в романах осмыслено как время смуты переходных этапов жизни России, катастрофичности социально-политических изменений, порождающей трагизм индивидуального существования человека. В исторических условиях «кризиса» писатели изображают политические, философские, идеологические искания героев, на что указывает М.Я. Ермакова: «При всем различии задач, которые ставили перед собой Достоевский и Горький, они шли, однако, в одном русле, выдвигая в своем творчестве на первое место идейные, философские искания людей в преддверии кризиса или времени самого кризиса»¹. Типологическая близость прослеживается также в раскрытии психологии героев. М. Горький, как и Ф.М. Достоевский, выявляет глубинные, темные стороны человеческой души, неразрешимые противоречия, которые обретают художественное воплощение в «раздвоенности» («двойственности») героев, внутреннем диалогизме.

В существующих исследованиях раскрывается значимость изучения традиций Ф.М. Достоевского в произведениях М. Горького. Литературоведы рассматривают сложное и противоречивое отношение М. Горького к Ф.М. Достоевскому, анализируют использование художественных приемов «зеркальности», «двойничества» (Л.М. Фарбер, М.Я. Ермакова), продолжение и развитие тем «двойника», «подпольного человека» (Г.М. Холодова) в произведениях писателей.

Философско-эстетическое осмысление человека в творчестве Ф.М. Достоевского для писателя XX века М. Горького стало той школой, которая на уровне художественной интуиции определила его творческую манеру. Как сказал один из современных литературоведов Б.Л. Борухов, «творчество есть не что иное, как сознательное следование бессознательным импульсам»².

Степень изученности проблемы. В литературоведении существуют исследования романа «Бесы», в которых производится рассмотрение этической (М.И. Туган-Барановский), социально-политической проблематики (Ю.Ф. Карякин), философского подтекста (В.В. Розанов, Д.С. Мережковский, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков), особенностей поэтики (А. Белкин, Д. Арбан, Ю.Ф. Карякин, Ю.И. Селезнев) произведения. В ряде работ говорится о «раздвоенности» (Н.А. Бердяев, В.С. Соловьев, С.Н. Булгаков, А. Белый, Г.К. Щенников, Р. Гуардини), «противоречивости» (Ю.И. Селезнев, В. Ерофеев, Е.М. Мелетинский), «двойничестве» (Р.Н. Поддубная, М.Я. Ермакова) героев Ф.М. Достоевского.

¹ Ермакова М.Я. Традиции Достоевского в русской прозе: Книга для учителя. – М.: Просвещение, 1990. – С. 130.

² Борухов Б.Л. Введение в мотивирующую поэтику // Филологическая герменевтика и общая стилистика. – Тверь: Тверской государственный университет, 1992. – С. 12.

К проблеме полифонизма романов Ф.М. Достоевского как художественной особенности творчества писателя после определения, данного М.М. Бахтиным, в той или иной мере обращаются литературоведы (Г. Ребель, О. Меерсон). Исследователи используют этот принцип при текстуальном анализе отдельных фрагментов произведений писателя. Вместе с тем не проводится системно-комплексного изучения диалогизма творений Ф.М. Достоевского. Рассмотрение особенностей диалогизма в рамках целостного анализа романа «Бесы» расширяет традиционные представления о поэтике произведения. Принцип диалогизма в нашей работе является не только ключом в постижении образной системы романа, но и становится основным понятием в осмыслении поэтики, стиля творчества Ф.М. Достоевского.

Критическая литература о книге «Жизнь Клима Самгина» достаточно обширна. Поднимаются вопросы определения жанровой природы произведения (В.М. Трофимов, Н.И. Никулина, Д.В. Затонский, А.И. Овчаренко), раскрытия социально-политической и философской проблематики романа; проводится анализ образно-персонажной системы (В.П. Строков, М. Гус, И. Груздев, А.Л. Овчаренко, Н. Жегалов), общественного явления «самгинщины» (Б. Вальбе, Н. Жегалов, И. Нович, Н.И. Никулина); рассматривается «раздвоенность», «двойственность» героев произведения. Проблема полифонии обозначена в работах В.П. Строкова, И.С. Нович, Н.И. Никулиной, А.В. Маркович, Л. Спиридоновой, В.М. Трофимова. Исследователи определяют полифонизм, многоголосие в качестве особенности стиля произведения. Так, в книге В.П. Строкова «Эпопея М. Горького “Жизнь Клима Самгина”» указано на «исключительное место» диалога и полилога в романе, которые вызваны «напряженной идеологической борьбой» и служат «средством *взаимораскрытия индивидуалистов*»³.

В отдельных работах обозначаются проблемы творчества Ф.М. Достоевского и М. Горького, требующие исследовательского внимания. Так, А.С. Мясников отмечает взаимодействие между идеями писателей, их «эстетическими, политическими и философскими взглядами»⁴; утверждает, что изучение романа «Жизнь Клима Самгина» по принципам теории полифонизма позволит выявить «внутренние связи» отдельных сцен, «когда перекликающиеся черты характеров и голосов героев начинают связывать в тугой узел внешне разрозненные сцены»⁵.

О.С. Сухих в статье «Методологические проблемы сравнительного анализа творчества Горького и Достоевского» отмечает, что наименее изученными оказываются существующие «параллели» в решении писателями философских, вечных «вопросов духа»: «о природе человека, о путях мировой истории, о счастье и свободе, правде и лжи, истине и сострадании»⁶.

Обобщая высказывания исследователей, заметим, что на сегодняшний день практически отсутствуют работы, в которых прослеживались бы стилевые традиции Ф.М. Достоевского в творчестве М. Горького в свете теории диалогизма М.М. Бахтина. Этим определяется поставленная нами проблема – художественное выражение диалогизма в «Бесах» Ф.М. Достоевского и «Жизни Клима Самгина» М. Горького. Анализ особенностей поэтики произведений, проявленных в диалогизме романов «Бесы» и «Жизнь Клима Самгина», позволит обнаружить сходство между

³ Строков В.П. Эпопея М. Горького «Жизнь Клима Самгина». – М.: Советский писатель, 1962. – С. 222.

⁴ Мясников А.С. Достоевский и Горький // Достоевский – художник и мыслитель. Сборник статей. – М.: Художественная литература, 1972. – С. 523.

⁵ Там же. С. 603.

⁶ Сухих О.С. Методологические проблемы сравнительного анализа творчества Горького и Достоевского // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. – Н. Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 2001. – №1. – С. 105.

творениями Ф.М. Достоевского и М. Горького в решении как художественно-эстетических, так и философских, «вечных» вопросов.

Сказанное выше определяет **актуальность исследования** поставленной проблемы, осмысление которой необходимо при рассмотрении стилевых особенностей позднего творчества М. Горького как развития традиций, наработанных Ф.М. Достоевским, что является крайне важным в изучении литературных явлений, воспринятых как целое, содержащее традиции, современность, перспективу. В рамках данной работы научный интерес представляют межтекстовые связи между романами «Бесы» и «Жизнь Клима Самгина» на уровне поэтики, структурных элементов, семантической значимости диалогизма.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней определяется соотношенность диалогической поэтики романов Ф.М. Достоевского «Бесы» и М. Горького «Жизнь Клима Самгина» с их идейными пластами. Новым является опыт изучения романа М. Горького в контексте теории диалогизма М.М. Бахтина. Впервые определяются значения в тексте произведений «проникновенного», «фиктивного», «реального» слов (термины М.М. Бахтина), рассматривается эволюция образов Николая Ставрогина и Клима Самгина в аспекте внутреннего диалогизма, ее соотношенность с общей концепцией романов.

Объектом исследования является художественное наследие Ф.М. Достоевского и М. Горького. При этом в качестве **материала** выступают романы Ф.М. Достоевского «Бесы» и М. Горького «Жизнь Клима Самгина»; **предметом** – диалогическая структура полифонических романов.

Методологическую базу составили исследования М.М. Бахтина, освещающие принцип диалогизма. Концептуально значимыми для нас являются работы Д.С. Мережковского, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, Л.А. Бема, С.И. Гессена, В.В. Розанова, Ф.А. Степуна, А. Белого, Ю.Ф. Карякина, Ю.И. Селезнева, А.В. Маркович, Л.А. Спиридоновой, В.М. Трофимова, Е.Р. Матевосян, О.С. Сухих, А.С. Мясникова, внесших неоценимый вклад в раскрытие проблемного, идейного, философского планов романов.

Ведущим **методом исследования** является структурно-семантический анализ, в рамках которого мы используем понятие «межтекстовые связи». При анализе произведений использованы также некоторые подходы герменевтического метода.

Цель работы – выявление художественно-эстетического, философского выражения диалогизма в романах «Бесы» и «Жизнь Клима Самгина». Цель диссертационного исследования обусловлена **задачами**:

1. Раскрыть своеобразие диалогизма композиционно выраженных диалогов романов с использованием терминологического аппарата теории М.М. Бахтина («внешний диалог», «микродиалог», «скрытый диалог», «реальные» – «фиктивные» слова, «одноголосые» – «двуголосые» слова, «проникновенное» слово).

2. Определить особенности взаимодействия голосов внешнего диалога и микродиалога героев.

3. Рассмотреть развитие образов главных героев в контексте внутреннего диалогизма.

4. Раскрыть своеобразие символических образов **Повторюсь, ведущим методом исследования** является основополагающим является принцип диалогизма. В романе «Бесы» принцип диалогизма

функционирует, в основном, в композиционно выраженных диалогах, отражающих взаимодействие голосов внутреннего диалога с голосами внешнего диалога. В романе «Жизнь Клима Самгина» значимым становится изображение внутреннего диалога героев, в котором звучат «реальные», «свои» слова, не высказанные во внешнем (по отношению к героям) пространстве.

2. Текстуальный анализ романов Ф.М. Достоевского «Бесы» и М. Горького «Жизнь Клима Самгина» позволяет установить возможность применения определенной М.М. Бахтиным категории «*сосуществования и взаимодействия*» не только в пространственном, но и во временном аспекте произведений в качестве характеристики определенного этапа в развитии художественного образа в контексте «становящегося ряда», формируемого «сосуществующими противоречиями», диалогическим взаимодействием голосов микродиалога и внешнего диалога. Именно «сосуществование и взаимодействие», воспринятое М.М. Бахтиным «рядом» в пространственном выражении как одновременное, формирует во временном отношении определенное развитие внутренне диалогизованного образа главного героя полифонического романа, что позволяет «создать из разнородных, равноценных и глубоко чуждых материалов единое и цельное художественное создание»⁷.

3. Развитие образов главных героев в полифоническом романе определяется динамикой взаимодействия голосов внутреннего диалога, при том, что ни один из них не может прекратить своего звучания, «ни один не может до конца победить другой»⁸; столкновением голосов скрытого диалога с голосами внешнего диалогизованного пространства; степенью влияния импульса извне на голоса скрытого диалога.

4. Динамика взаимодействия голосов микродиалога Николая Ставрогина и голосов внешнего диалога имеет определенное направление: развитие образа Ставрогина в контексте внутреннего диалогизма характеризуется ослаблением детерминированности превалирующего голоса внутреннего диалога внешним импульсом и усилением голоса естественного начала, становящегося доминирующим. Развитие образа Клима Самгина представляет собой обратный процесс: усиление зависимости голоса внутреннего диалога от внешнего слова, углубление понимания губительности следования «фиктивным» словам «роли» исключительности при осознании невозможности освобождения от них.

5. Выражение авторской позиции в полифоническом романе специфично. Именно развитие образов главных героев в контексте диалогизации в романе полифонического типа позволяет осуществить выражение авторской интенции.

Теоретическая значимость исследования состоит в рассмотрении основной категории полифонического романа – «сосуществование и взаимодействие» – во временном аспекте (художественное развитие главных героев в контексте внутреннего диалогизма). Осмысление творческих методов Ф.М. Достоевского и М. Горького, основанных на принципе диалогизма, способствует углубленному постижению многих как текстовых, так и подтекстовых уровней произведений.

Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные выводы могут быть использованы в общих вузовских курсах по

⁷ Бахтин М.М. Проблемы творчества // поэтики Достоевского. – Киев, 1994. – С. 233.

⁸ Бахтин М.М. Проблемы творчества // поэтики Достоевского. – Киев, 1994. – С. 479.

истории русской литературы XIX, XX веков, при разработке специальных курсов и семинарских занятий по творчеству Ф.М. Достоевского, М. Горького.

Апробация результатов исследования. Основные материалы диссертации были изложены в докладах и сообщениях на научных и научно-практических конференциях различных уровней: международных («Текст. Произведение. Читатель». Пенза – Казань – Респ., 2012; «Гуманитарные науки и современность». Москва, 2012; «Евразийство Л.Н. Гумилева и мир народов Евразии: история, современность, перспектива». Казань, 2011); всероссийских («Филологическая наука в XXI веке: взгляд молодых». Москва, 2007; «Текст. Произведение. Читатель». Казань, 2007, 2011).

По теме диссертации опубликовано девять статей, в том числе три публикации в рецензируемых журналах, входящих в перечень ВАК Министерства образования и науки РФ.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и библиографического списка, включающего в себя 236 наименований.

Основное содержание диссертации

Во Введении дается обоснование актуальности темы, новизны работы, рассматривается состояние изученности проблемы, производится обзор существующих работ, освещающих особенности поэтики романов «Бесы», «Жизнь Клима Самгина»; формулируются цели и задачи, определяются объект и предмет исследования, поясняются методологические, методические основы диссертационной работы, уточняется структура диссертации.

В первой главе «Выражение монологических и диалогических отношений семантико-функциональными типами слова в романах Ф.М. Достоевского «Бесы» и М. Горького “Жизнь Клима Самгина”» проводится анализ формирования различными типами слов («фиктивное», «реальное») диалогических отношений и монологического дискурса. *В первом параграфе «“Фиктивное” и “бесовское” слово в романах»* представлен семантический контекст особых типов слов («фиктивное», «бесовское»), рассматривается область их функционирования в речи героев, взаимодействия в рамках диалогических отношений.

Слова героев анализируемых романов являются репликами «роли», выступают частью «игры». Разрушительное влияние на личность идет извне, из социально-политического контекста, подавляющего «свое» слово. В произведениях показано внутреннее неприятие героями избранной «роли», «фальшь» «бесовских слов». В романе «Бесы» воздействующее слово Петра Верховенского представлено обезличивающим, подчиняющим, овеществляющим, превращающим человека в «талисман» бесовщины. Протест героев, выраженный голосом внутреннего диалога, подавляется доминирующим во внешнем пространстве «бесовским» словом. В романе «Жизнь Клима Самгина» раскрывается сила влияния «фиктивного» слова на человека, подавление собственного, естественного голоса во внутреннем диалоге. Коллективное следование фальши слова показано противоестественным, ведущим героев в пустоту, подавляющим собственный голос, искажающим мировосприятие человека.

«Фиктивные» слова оцениваются как явная «неправда». Слово утрачивает свою семантическую ценность; оно становится средством искажения

действительности, воспринимается героями в качестве обмана. «внушаемые» Самгину «фиктивные» слова образуют комплекс «темного, нечестного, дурного», принесенного извне, что вызывает стремление «самообороны» от окружающей действительности как формы взаимоотношений с внешним миром. В романе Ф.М. Достоевского прослеживается мотив самозащиты, стремление героев утвердить собственное слово, собственное Я. Освобождение от «бесовского» показано возможным при отказе от активного творения зла. При этом обозначается подневольная принадлежность обществу «бесов» по причине одержимости «бесовским», звучания голоса «бесовского» во внутреннем диалоге героев.

В произведениях «Бесы» и «Жизнь Клима Самгина» раскрывается семантический комплекс лжи, «фиктивности». Неоднократно подчеркивается фальшь как доминанта поведения пребывающих в разыгрываемой «роли» персонажей. Семантика фальши связана с «выдумыванием» жизни, искусственным созданием амплуа собственного существования, рассматриваемыми как категорический императив. Слово «реальное», фактическое, представляется бредовым в мире фальши.

Воплощением «фиктивности» слова в романе «Жизнь Клима Самгина» становится фраза «Может, мальчика-то и не было», утвердившаяся как поговорка, застывшая и неизменная в своей форме, выступающая единым целым в качестве монологически завершеного символа фальши. Воспроизведение данной фразы символизирует торжество «фиктивного» слова в окружающем героя пространстве. Подобное превалирование во внешнем пространстве «фиктивного» слова, управляющего героями и формирующего «роль», показано в романе «Бесы». «Бесовские» слова Ставрогина, Петра Верховенского принимаются героями, способствуют формированию «роли».

«Фиктивное» слово – «пустое», лишенное содержания. «Пустые», ложные слова – «словесность», обращенная в пустоту, растворенная в ней, пропадающая без ответа. Не являясь выражением смысловой позиции личности, оставаясь суждениями, а не высказываниями, «пустые» слова не способны вступать в диалог с другими смысловыми позициями. Восприятие «пустых» слов ведет к опустошению внутреннего мира, разрушению личности человека («ощущение самого себя как пустоты»). «История пустой души» показана в романе «Жизнь Клима Самгина» интериоризацией «пустых» слов на протяжении сорока лет существования героя. В произведении отражена мысль, высказанная М. Горьким в статье «О мещанстве», о сокрытии душевной пустоты за заимствованными фразами: «Есть люди, которые обрастают грубой шерстью революционных фраз не потому, что хотят прикрыть внешнюю оголенность черепов своих, а чтобы скрыть, иногда от самих себя, пустоту своих душ»⁹.

Семантика «бесовства», «беснования» распространяется в произведениях на одержимых «фиктивными» социально-политическими словами «объясняющих господ». Одержимость «бесовским» в романе «Жизнь Клима Самгина» передается через обозначение «налитых кровью» глаз, «бесовского» огня. Атмосфера ада как

---

⁹ Горький М. Собрание сочинений в 30 томах. Том 25. – М.: Худ. лит., 1953. – С. 23-24.

падения людей в пропасть при доминировании «фиктивности», горение в огне фальшивого мира, воспроизводится при описании зала Омона в Москве. Раскрыто ослепление «неистовством», «бесовством» одержимых людей, которые не видят жизни, живого, что ведет к пустоте существования, уходу в никуда, из бытия – в небытие. Символично, что одной из основных характеристик «объясняющих господ» в романе «Жизнь Клима Самгина» показана социально-политическая слепота: «вожди» ведут в неизвестность, за «пылью» «фиктивных» слов не видна реальность.

В романе «Бесы» засыпанность «пылью» чужих слов представлена как болезнь человека. Такова болезнь зараженного «бесовским» «фиктивным» словом Николая Ставрогина, результат которой – угнетение собственного голоса монологически завершающим словом. Произнесение «фиктивных» слов предстает как пыление («только пылим-с»), создающее игровую пустоту фальшивого мира. В произведениях показано, что хаос разнородных голосов внешнего мира ведет к «изломанности» собственного Я; данное состояние близко пороговым ситуациям, выходом из которых может быть либо освобождение от чужого, «фиктивного», либо полное подавление собственного Я. В романах выявляются разрушительность «бесовского» слова, пагубность его влияния и, как результат внутренней борьбы – «изломанность», духовный надрыв.

Социально-политическое слово является одноголосым. Оно одноакцентное, монологически завершающее, предполагает объект воздействия, а не субъект обращения. Несмотря на сопротивление природы, осознание опасности, гибельности подобного влияния, герои не могут остановить процесс собственной объективации чужими определяющими «фиктивными» словами, складывающимися в «фиктивные» реплики внутреннего диалога. «Фальшивое» слово создает фантасмагоричность окружающего мира, ведущую к разрушению. Враждебность, неестественность, разрушительная сила «фиктивного» слова приводит к реальным катастрофам.

Во втором параграфе «“Реальное” слово в романах» изучаются семантико-структурные особенности «реального» слова, формирование диалогических дискурсов. В диалогические отношения, пронизывающие произведения в целом, организующие романы как «большой диалог», вступают «реальные слова», соответствующие действительности, произносимые с целью обнаружения правды в «фиктивном» мире. «Реальные» слова появляются в момент прозрения, выхода из игровой ситуации. Доминирование «реального» слова во внутренних диалогах главных героев романов «Бесы», «Жизнь Клима Самгина» приводит к стремлению утвердить «реальное» в окружающем мире, которое оказывается нереализованным по причине превалирования «фиктивного» во внешнем пространстве.

«Реальные» слова утверждают ценность собственного Я героев, близкого хаотическому природному миру, обнаруживают вред, губительность заимствованных социально-политических слов. В романе «Бесы» «реальные» слова выражают свой голос героев, противоречащий требованиям социальной «игры». При этом пропагандируемые ими теории определяются как не соответствующие натуре, живой жизни («– Что же? Почему вместе? Жизнь особо, а то особо. Жизнь есть, а смерти нет совсем»). «Реальные» слова в произведении Ф.М. Достоевского произносятся в эмоциональном тоне страдания, накала, боли под воздействием

«слова-кну́та», обличающего непреодолимую раздвоенность; вызывают внутреннее «борение», пробуждение природного («вас борет какая-то грозная новая мысль»). В романе «Жизнь Клима Самгина» показано возникновение естественного, человеческого за маской «книжника», которое способствует проявлению своего Я, стремящегося к единению с другим человеком при произнесении «реального» слова. Появление «реальных» истинных мыслей в произведении М. Горького изображено как происходящее внезапно, подобно озарению, вспышке во тьме, ведущей к прозрению слепых; они не складываются в систему, но подвергают сомнению устоявшийся комплекс сложившихся реплик «роли»; высвечивают «засоренность», «захламленность» человеческого сознания, жизни «ненужными» людьми и мыслями.

Трагизм образов Клима Самгина и Николая Ставрогина составляет осознание неискоренимости чуждых накопленных мыслей и слов («бесовских»-«фиктивных») при неприятии, понимании их разрушающего воздействия. Раздвоенность, внутренняя конфликтность образов Самгина и Ставрогина формируются «ощущением разлада между ними, содержащими, и тем, что они содержали в себе». При этом развитие образа Николая Ставрогина характеризуется усилением и доминированием голоса своего Я, подавляющего «бесовские» слова до степени отказа от активного творения зла. В противоположность этому, в образе Клима Самгина показано увеличение «внутренней пустоты», формируемой бесконечным процессом насильственного («против его воли») накопительства «фиктивных» слов и мыслей при подавлении собственного анализирующего голоса. Характерно обострение диссонанса внутренних голосов до отрицания одного из них, что образует внутренний конфликт, раздвоенность, невыносимость их одновременного звучания.

В романе «Жизнь Клима Самгина» в противовес пустоте «фиктивного» слова, ведущего к «пустоте самозабвения», тлеющего существования, утверждается простое слово, воплощающее гармонию естественной жизни. Простота представлена в качестве объективной характеристики явлений действительности, не украшенной фальшивыми «павлиньими перьями» разума. Горение внутреннего огня выражено в произнесении «реальных» «простых» слов, ниспровергающих «пустые» словопрения («И я вам – не верю. Я никому не верю»), утверждающих простую, кроткую голубиную жизнь посреди «бесовского» «неистовства», «кошмара» свистопляски. «Реальные» слова являются возвышающими, прекрасными, обладающими свойством гармоничного звучания, в противоположность упрощающим «фиктивным» словам. Тишина выступает символом преодоления фальши слов.

Во второй главе «Принцип диалогизма в диалогах» рассматриваются структурно-семантические особенности диалогизма, условия возникновения и разрушения диалогических отношений в диалогах. *В первом параграфе «Монологизация композиционно выраженных диалогов»* производится анализ монологизации композиционно выраженных диалогов романа «Жизнь Клима Самгина» как художественной особенности, выступающей продолжением традиций Ф.М. Достоевского. Монологизм композиционно выраженного диалога рассматривается как особенность диалогизма произведений.

В романах воссоздано общее говорение «о чем-то», создающее хаос, пустоту. Показаны непонимание героями «фиктивных» слов, разрозненных невоспринятых фраз, обезличенность персонажей, участвующих в «заседаниях» кружков. Изображена невозможность прийти к единому мнению по причине десемантизации слова: «Фу, черт! я ничего не понял», «я не понимаю» («Бесы»). Монологизации диалога способствует цитирование высказываний с утратой авторства, повторяемость, которые приводят к ситуации молчания, отсутствию восприятия. Так, Клим Самгин, находясь в «роли», наблюдает молодых людей-двойников, «книжников», более осведомленных, чем он сам, знающих больше «фраз-монеток». «Чувство зависти» вызывают у Климса люди, «устроившиеся» в системе фраз, воздействующих на собеседника («<...> стали будить в нем чувство зависти неудачника к людям, которые устроились в своих “системах фраз” удобно, как скворцы в скворешнях»), подавившие свой внутренний голос, не испытывающие мучительных прозрений при звучании «реального» слова во внутреннем диалоге.

В композиционно выраженных диалогах утрачивается связь между героями, что передано через мотив оглушения «фиктивным» словом, отсутствия восприятия ответных реплик на сказанное. Монологизация диалога происходит по причине глухоты, отсутствия взаимодействия отдельных реплик, скованных в «системе фраз» и не позволяющих изменить их. В романе «Бесы» пребывание героев в социальной «роли» образует подобный мотив глухоты к выходящим за ее грани «реальным» словам. Так, разыгрывание Юлией Михайловной «роли» спасительницы молодежи порождает глухоту к «реальным» словам Лембке, предупреждающего о катастрофе. Озвучивание в диалогах положений заимствованных социальных теорий представляет собой монолог одержимого: «Обыкновенно, проговорив подобный монолог (а с ним это часто случалось), Шатов схватывал свой картуз и бросался к дверям <...>». При этом подчеркиваются страдания героя, ограниченного требованиями «роли».

В романе «Жизнь Климса Самгина» показано преобладание в речи героев «фиктивных» заимствованных фраз, обрывающихся на середине многоточием – знаком искажающей смысловую незавершенности, монологической направленности «фиктивного» слова. Докторальные, одноголосые, заимствованные фразы Самгина остаются невоспринятыми, складывающимися в «хаос криков и речей», бесследно пропадающими в пустоте; в шуме разноголосицы утрачивается диалогическая связь; основными характеристиками общества становятся разрозненность, разобщенность. В произведении М. Горького невысказанность героем своего голоса при его звучании во внутреннем диалоге, ограниченность в «роли» определяются как основные характеристики образа Самгина. В романе «Бесы» наряду с хаосом, разрушением диалогического взаимодействия воссозданы диалоги, в которых раскрывается принцип диалогизма. Ф.М. Достоевский обозначает возможность установления подлинных диалогических отношений, в которых звучит собственный голос героев, произносятся свои слова, способствующие нахождению единства, истины, пути спасения от социального «бесовства». В романе «Жизнь Климса Самгина» ведущей становится монологизация композиционно выраженного диалога. Хаотичность, шум бессвязных «фиктивных» повторяемых реплик создают игровую пустоту, что ведет к отрицанию, отсутствию единства, центра,

отчужденности, разрушению связи между людьми как отражению распада универсальных связей.

Во втором параграфе «Диалогизм как художественный принцип в композиционно выраженных диалогах романов» раскрывается своеобразие диалогизма в диалогах, рассматривается взаимодействие голосов в рамках композиционно выраженного диалога. Производится анализ центральных диалогов романов «Бесы», «Жизнь Клима Самгина», позволяющий проследить специфику взаимодействия голосов микродиалога героев, развитие образов в контексте диалогизации.

Усиление Шатовым голоса естественного начала в рамках скрытого диалога Ставрогина (сцена удара Шатовым Ставрогина «кулаком по лицу», глава «Премудрый змий») прерывает доминирование «бесовского», прослеживаемое при совершении «зверств» и «невозможных дерзостей» (глава «Принц Гарри. Сватовство»), и создает равноправие, равносильность голосов внутреннего диалога, что не исключает возможности активизации одного из них. Звучание голоса «бесовского» во внутреннем мире Ставрогина наблюдается в диалогах с Петром Верховенским и Кирилловым, расположенных в первой главе второй части романа («Ночь»). Превалированием «бесовского» голоса в скрытом диалоге героя, вызванным воздействием «новой стратегии» компрометирования представителя общества «бесов» Петра Верховенского (закрывающейся в убеждении Ставрогина в неистребимости голоса «бесовского» начала в его внутреннем мире с целью активизации), мотивировано появление «странного движения в лице», являющегося подтверждением справедливости замечания Верховенского о намерении Ставрогина осуществить опосредованное убийство по причине внутренней принадлежности к обществу «бесов». В диалоге с Кирилловым доминирование голоса «бесовского» во внутреннем мире Ставрогина вызвано внешним импульсом в виде высказывания Алексеем Нилычем идеи о самоубийстве, побуждающего Ставрогина выразить «свою мысль» о допустимости самоубийства для достижения безнаказанности от последствий вседозволенности.

Следующий переломный момент, изменяющий динамику взаимодействия голосов внутреннего диалога героя, связан, подобно первому, с образом Шатова и Христианской символикой света. Предупреждение Ставрогиным Шатова о его планируемом убийстве в контексте высказывания камердинера Алексея Егорыча получает оценку «доброе дело»: «Благослови вас Бог, сударь, но при начинании лишь добрых дел». В диалоге, расположенном в первой главе второй части романа («Ночь»), Шатов, подобно Мышкину, выступает носителем «проникновенного слова», которое «способно активно и уверенно вмешиваться во внутренний диалог другого человека, помогая ему узнавать свой собственный голос»¹⁰. «Проникновенное» слово Шатова способствует «узнаванию» Ставрогиным «своего голоса», в результате чего происходит усиление естественного начала скрытого диалога (герой задумывается над тем, что «Бога можно добыть трудом, и именно мужицким», и дает обещание посетить бывшего архиерея Ефимьевского Богородского монастыря Тихона: «Благодарю вас, схожу») до степени невозможности активизации голоса «бесовского», что метафорически определено

¹⁰ Бахтин М.М. Проблемы творчества // поэтики Достоевского. – Киев, 1994. – С. 462.

освещением Шатовым жизненного пути Ставрогина («Светил Шатов по лестнице»), который отказывается следовать по пути общества «бесов», представленному в лице Федьки Каторжного. Внешний голос – голос «бесовского» – не активизирует соответствующий голос микродиалога героя. Подобное взаимодействие голосов внутреннего диалога Ставрогина наблюдается в сцене дуэли: Николай Всеволодович утверждает свое «право не убивать», демонстрирующее отказ от творения зла, активного распространения его, идущий от сцены удара Шатовым, вопреки принуждению к пролитию крови «бесновавшимся» Гагановым. Отсутствие активизации голоса скрытого диалога Ставрогина доминирующим голосом «бесовского» начала внешнего пространства представлено в диалоге Николая Ставрогина с Петром Верховенским, расположенном в восьмой главе второй части романа («Иван-Царевич»), в котором совершается отказ героя, оценивающего данное предложение «неистовством», от самозванства вопреки апелляции Верховенского к «волчьему инстинкту» предложением «роли» Ивана-Царевича.

Последний переломный момент во взаимодействии внутренних голосов Ставрогина наблюдается в диалоге с Лизой в третьей главе третьей части произведения («Законченный роман»), в котором особой значимостью обладает символика света (света веры). В контексте данного диалога происходит усиление голоса естественного начала, метафорически определенного «светом, озарившим <...> сердце» героя и несущим веру, до степени формирования его доминантным, о чем свидетельствует признание героем вины перед Лизой, в котором заключено осознание своей виновности по причине пассивного содействия злу при отказе от активного распространения его, и отдаление Петра Верховенского, компрометация которого в контексте главы «Законченный роман» не находит ответной реакции Ставрогина, к полюсу, типологически родственному его сущности («Ступайте от меня теперь к черту <...> К черту, к черту!»). В данном контексте самоубийство приобретает значение единственно возможного разрешения антиномии сосуществования голосов «бесовского» и естественного для избавления от неестественного.

В романе «Жизнь Клима Самгина» наблюдается особое соотношение слова героя и авторского высказывания. Критическая литература поднимает вопрос о представлении материала художественного произведения сквозь «самгинские очки», что порождает особую значимость слова Клима; авторское высказывание в романе «Жизнь Клима Самгина» становится неотъемлемой частью зоны сознания героя.

Возникновению диалогических отношений в композиционно выраженных диалогах произведений «Бесы» и «Жизнь Клима Самгина» способствует произнесение «реальных», «двуголосых» слов. «Проникновенное» слово формирует диалог, в котором звучат «реальные» слова, выражающие внутреннее Я героев. Помимо своей предметной направленности, «проникновенное» слово «одноголосое», «завершенное», диалогически направленное. Оно апеллирует к собственному, естественному голосу внутреннего диалога другого человека. Подлинные диалогические отношения складываются при искренности, открытости человека, при которой слово является не изображающим, а выражающим (что отражено в реплике Ставрогина в контексте диалога с Лизой в главе «Законченный роман»: «Если бы ты знала цену моей теперешней *невозможной* искренности, Лиза, если б я только мог открыть тебе...»), направленным на другого человека как

субъекта общения; раскрывающим, а не «насилующим». Вследствие этого диалогическое слово предстает «реальным», истинным: «Да, – отвечал Клим, веря, что он не лжет. – Да!». Установление диалогического взаимодействия способствует раскрытию «внутреннего человека», приводит к пониманию своего истинного, подлинного Я. В романе «Бесы» прослеживается словесное выражение и утверждение во внешнем мире собственного слова: Ставрогин провозглашает свое «право» не убивать, демонстрирующее отказ от творения зла, активного распространения его. В произведении «Жизнь Клима Самгина» собственный голос героя остается невысказанным, неутвержденным.

Принцип диалогизма в романе М. Горького раскрывается через взаимодействие, перекрещивание реплик внутреннего и внешнего диалогов. Так, в контексте диалога с Поповым в жандармском управлении озвучивание ротмистром строк из рукописей Самгина совершается для активизации подобного созвучного ему голоса внутреннего диалога, что понимает герой. Подобно диалогам Николая Ставрогина с Петром Верховенским в романе «Бесы», произносятся «фиктивные» слова с явным обнаружением их несоответствия действительности. «Фиктивные» слова употребляются в контексте «роли» «неподозревающего следователя», тождественной «роли» Порфирия Петровича в романе «Преступление и наказание». Среди «фиктивных» реплик диалога «реальные» слова ротмистра вызывают ответные «реальные» реплики Самгина.

В третьей части романа принцип диалогизма в композиционно выраженных диалогах наиболее полно представлен в диалогах Марины и Клима. В произведении М. Горького выявляется философский подтекст, раскрытый в стихотворениях В.А. Жуковского «Невыразимое», Ф.И. Тютчева «Silentium!», о невыразимости собственного Я, невозможности раскрыть словом тайны природы, необъяснимое, непознаваемое в жизни. В диалогах обозначается позиция Клима: стремление к освобождению от социального насилия, отгораживание от людей. Свои мысли «вне роли» чувствуются Самгиным («вдруг почувствовал»), по сходному принципу дается характеристика мыслительной деятельности при появлении собственных мыслей в образе Николая Ставрогина: «...мысль почувствовал» («– Я... не называю... когда я подумал однажды, то почувствовал совсем новую мысль. – “Мысль почувствовали?” – переговорил Кириллов»). В рамках диалога с Мариной выписывается ситуация двойничества Самгина. Подчинение воздействию окружающих людей рассматривается как растворение в чужой жизни, мешающее собственному существованию, что ведет к «раздробленности», «раздерганности» Самгина, «насилию» над его собственным Я, что раскрыто через метафору «чужих» двойников: «Было и еще много двойников, и все они, в этот час, – одинаково чужие Климу Самгину. Их можно назвать насильниками».

В третьем параграфе «Внутренний диалогизм образно-персонажной системы как психологический прием Ф.М. Достоевского. Диалогизация внутренней речи в романе “Жизнь Клима Самгина”» выявляется своеобразие внутреннего диалога главных героев указанных произведений, раскрываются условия возникновения диалогических отношений, особенности взаимодействия голосов в микродиалоге.

Н.А. Бердяев в статье «Откровение о человеке в творчестве Достоевского» обозначил «динамику», «движение» характерной чертой героев произведений

писателя: «Все страстно, все исступленно в антропологии Достоевского, все выводит за грани и пределы. Достоевскому дано было познать человека в его страстном, буйном, исступленном движении»¹¹. Образ Николая Ставрогина не статичен, находится в нескончаемом движении, постоянном балансировании между светом и тьмой, ангелом и бесом.

Текстуальный анализ поступков героя позволяет проследить определенное внутреннее развитие образа Николая Ставрогина, основанное на взаимодействии голосов «микродиалога» героя с голосами «большого диалога» романного целого.

Семантический ряд «грязного», «темного», «зверского» воспроизводится в рамках характеристики образа Ставрогина, противоречиво представленного «писанным красавцем», «извергом» с маскообразным лицом («говорили, что лицо его напоминает маску»), который «в то же время как будто и отвратителен». Во второй главе первой части романа обозначается внезапная («вдруг») одержимость героя, ведущая к совершению «зверств», «невозможных дерзостей» вследствие доминирования голоса «бесовского» во внутреннем диалоге, маркером усиления которого становятся метафора «зверя», выпустившего «свои когти» («вдруг зверь показал свои когти», «зверь вдруг выпустил свои когти»).

Переломным моментом, определяющим возникновение иного взаимоотношения голосов скрытого диалога героя, является сцена удара Ставрогина Шатовым, расположенная в пятой главе первой части романа («Премудрый змий»), в которой обозначено отсутствие маскообразности лица Николая Всеволодовича («уже никак нельзя было сказать, что лицо его походит на маску»), сочетающееся со световой символикой («Или, может быть, какая-нибудь новая мысль светилась теперь в его взгляде?»). Семантика названия главы указывает на соотнесение данного образа с Библейским контекстом. Предлагаемый героем путь при доминировании в его внутреннем мире «бесовского» в модификации «змеиного» является путем ложным, на котором Марья Лебядкина «упала всем боком на кресло» – сбилась с пути истинного. Соотнесенность образа Николая Ставрогина с ветхозаветным змием реализуется через мотив искушения запретным плодом древа знаний. «Змей был хитрее всех зверей полевых, которых создал Господь Бог» и «обольстил» жену (Еву), за что был «проклят»¹². Аналогичная «роль» отведена Николаю Ставрогину, который «обольстил» Шатова и Кириллова запретным плодом западных идей и был подвергнут церковному проклятию, прозвучавшему из уст Лебядкиной: «Гришка От-репъ-ев а-на-фе-ма!». Удар Шатова вызывает внутреннюю борьбу Ставрогина, в результате которой происходит подавление голоса «бесовского» («победил»), что обозначено погасанием адового огня внутреннего мира одержимого («Но странно, взор его как бы погасал»), и усиление голоса естественного начала под воздействием света внутреннего мира, чем объясняется «иное и чудное» поведение героя, преодолевшего определяющее влияние «холодной, спокойной и <...> разумной злобы», «самой отвратительной и самой страшной, какая может быть», тем, что не убил «своего противника, тотчас же, тут же на месте и без вызова на дуэль», а «скрестил» руки «у себя за спиной». Происходит соотнесение Христианской символики света («мысль светилась»,

¹¹ Бердяев Н.А. Откровение о человеке в творчестве Достоевского // О Достоевском: Творчество Достоевского в русской мысли / Сост. В.М.Борисов, А.Б.Рогинский. – М.: Книга, 1990. – С. 217.

¹² Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. По заказу Казанской епархии, 1991. – С. 7.

«взгляд погасал») и креста, несущей семантику непротivления злу насилieм, «бессознательной веры», с активизацией естественного начала внутреннего мира героя. Отказ от творения зла, активного его распространения прослеживается на протяжении романа. Усиление Шатовым голоса натуры внутреннего диалога Ставрогина прерывает доминирование «бесовского» и создает равноправие, равносильность голосов микродиалога, что не исключает возможности активизации одного из них.

Осуществление мыслительной деятельности Клина Самгина в диалогической форме является основной характеристикой, определяющей данный образ. Самгин ощущает столкновение противоположных голосов во внутреннем диалоге при неприятии собственным Я фальшивого чужого. В отличие от образа Николая Ставрогина, слова которого персонифицированы в других героях (Верховенский, Кириллов, Шатов), воплощены вовне, внутренние голоса Самгина интериоризованы. В пределах сознания Клина сталкиваются и приходят во взаимодействие персонифицированные голоса. «Свои мысли», существующие во внутреннем мире героя «как тени», пробуждаются в подвижном «неоформленном» состоянии и получают словесное воплощение при доминировании своего голоса, наблюдаемого в трансцендентном контексте. В микродиалоге происходит слушание голоса собственного Я («прислушиваясь»), нахождение и восприятие своих настроений, мыслей и чувств, выражающих «дремлющую» хаотическую иррациональную природу человеческой натуры, проявляющуюся ночью и скрытую днем, что восходит к философской лирике Ф.И. Тютчева. Ощущение Самгиным тоски, становящееся лейтмотивом произведения, сопоставимо с «вековечной священной тоской», познанной в романе «Бесы» Николаем Ставрогиным. Скука, тоска, изображенные во втором и третьем томах романа как доминантные чувства Самгина, сменяются в четвертом томе произведением предощущением конца, уничтожения, смерти как итога жизни человека («Да, вот что ждет нас <...>»). Произнесение «реальных» слов оценивается героем в качестве «подвига». При характеристике образа Самгина неоднократно указывается на отсутствие «дерзости», «силы», «решимости» на произнесение «реального» слова, звучащего во внутреннем диалоге, на совершение поступка обнаружения и обличения «фиктивности».

При доминировании голоса естественного начала во внутреннем диалоге обозначается стремление Клина установить диалогические отношения. Свой собственный голос выражает «нерешительное, нерешенное и робкое», находящееся в постоянном изменении; он незавершен, поскольку неопределим человек в непрерывном развитии, внутренней диалогизации. Незавершенность скрытого диалога выступает выражением безграничности человеческой личности, что определено М.М. Бахтиным следующим образом: «Пока человек жив, он живет тем, что еще не завершен и еще не сказал своего последнего слова»¹³.

Специфика взаимодействия голосов внутреннего диалога Самгина состоит в поочередном доминировании голоса естественного начала и «фиктивных» слов, приводящих к дальнейшему следованию героя «роли». Композиционно выраженный диалог в романе «Жизнь Клина Самгина» становится усиливающим

¹³ Бахтин М.М. Проблемы творчества // поэтики Достоевского. – Киев: Next, 1994. – С. 265.

внутренний диалогизм. Внешние реплики активизируют соответствующие им голоса скрытого диалога. При отрицании героем насилия умников, осознании разрушительного губительного воздействия фальши их слов на человека, показано его следование «утешительному» «фиктивному» голосу внутреннего диалога, приводящее к усилению «механического» процесса интериоризации «множества острых, равноценных мыслей», способствующих увеличению пустоты внутреннего мира Клима. Подобно образу Ставрогина, раздвоенность, внутренний диалогизм Самгина оказываются непреодолимыми. Вследствие чего к Климу обращаются и жандармы, и революционеры, как общество «бесов» к Ставрогину. Двойственность Самгина формируется звучанием консервативного и анархического голосов при невозможности истребления одного из них.

В четвертой части романа показано осознание Климом постоянного внутреннего диалогизма, проживания жизни в словесной форме («Живу монологами и диалогами почти всегда»), что воспринимается героем останавливающим процесс внутреннего развития; реальность опережает внутренний диалог, неоформленные мысли; ярким является мотив запоздалости, отсталости от жизни при растворении человеческого в слове («опаздывает с формулировками»). Развитие образа Самгина сводится к осознанию изломанности, «расколотости» под влиянием действительности, раздробленности на множество Самгиных. Отдельные голоса внутреннего диалога героя персонифицируются в образах «расколотого» Самгина. В произведении показано, что люди становятся одинокими «обломками мира», внутренне противоречивыми.

Подобно произведениям Ф.М. Достоевского, в романе М. Горького изображено существование «на качелях», в противоречиях «настроения», чувства и поведения при переходе от доминирования одной мысли во внутреннем диалоге к доминированию другой, от своего – к чужому, «старому», «знакомому». При осознании Самгиным типологической близости героям Гоголя и Достоевского («Гоголь и Достоевский давали весьма обильное количество фактов, химически сродных основной черте характера Самгина, – он это хорошо чувствовал, и это тоже было приятно»), сближения в исключительности, бесконечных «мучительных» поисках истины, свободы обнаруживается различие в рациональности, спокойствии, большей детерминированности «действительностью», «бытом», ходом исторических событий. «Деловитый» Самгин предстает героем своего времени, типичным персонажем современности.

В *Заключении* подводятся итоги работы, формулируются результаты исследования. основополагающим в романах «Бесы» и «Жизнь Клима Самгина» является принцип диалогизма. Текстуальный анализ рассматриваемых произведений позволил выявить структурно-семантические особенности диалогизма как средства диалогизации внутреннего мира героев, определить специфику взаимодействия голосов внешнего диалога и микродиалога. Внутренний диалогизм главных героев романов формирует взаимодействие голосов «бесовского» и естественного начал (роман «Бесы»); интериоризованных чужих реплик как слов «другого» и собственного голоса («Жизнь Клима Самгина»). В микродиалоге звучит свой «реальный» голос, выражающий подлинные мысли; находит отражение хаотическая природа «незавершенной», «нерешенной» природы человека, утверждается собственное существование, противостоящее «овеществлению» «бесовскими»-

«фиктивными» словами. Невозможность освобождения от влияния «бесовского»-«фиктивного», голос которого взаимодействует с голосом естественного начала в скрытом диалоге, формирует раздвоенность главных героев. При звучании в микродиалоге голоса естественного начала показана невозможность освободиться от влияния «бесовского»-«фиктивного» по причине его интериоризации.

Проведенное исследование сделало возможным проследить развитие образов главных героев в контексте внутреннего диалогизма. Взаимодействие голосов микродиалога Николая Ставрогина и голосов внешнего диалога имеет определенное направление: развитие образа Ставрогина характеризуется ослаблением детерминированности превалирующего голоса скрытого диалога внешним импульсом и усилением голоса естественного начала, становящегося доминирующим. Непреодолимость «бесовского», неприемлемого превалирующим голосом природы, приводит героя к самоубийству – очищению мира истреблением «подлого насекомого». Автор показывает Ставрогина, вставшего на путь своеобразного «исцеления», при том, что единственно возможным продолжением этого пути становится самоубийство как способ прекращения пассивного содействия злу при отказе от его активного творения. Развитие образа Клима Самгина представляет собой обратный рассмотренному выше процесс: усиление зависимости голосов микродиалога от внешнего слова, углубление понимания губительности следования «фиктивным» словам «роли» исключительности при осознании невозможности освобождения от них. Следствием этого становится отсутствие творения своего слова, невысказанность и неутвержденность собственной позиции во внешнем мире, исключенность из общества людей, одиночество. «Тление» «словесной пыли» во внутреннем мире героя, угасание «жизненного огня» Клима ведут к уничтожению, растворению, исчезновению героя в толпе, хаосе голосов.

Стремление к самоспасению героев при отсутствии веры в него, осознании недостижимости собственной свободы от влияния «бесовского» («Бесы»), «фиктивного» («Жизнь Клима Самгина») голосов приводит обреченных на безысходную раздвоенность, непреодолимый внутренний диалог героев к самоубийству («Бесы») – уничтожению толпой («Жизнь Клима Самгина»).

Рассмотрение образно-персонажной системы в аспекте проблем диалогизма позволило обнаружить, что в романе «Бесы» показано возможным произнесение героями своих слов, их утверждение, следование собственной воле для активного противостояния воздействию окружающей действительности при отсутствии полного заглушения «темного» начала во внутреннем мире героев по причине звучания во внутреннем диалоге голоса «бесовского» (образ Николая Ставрогина). В произведении М. Горького интериоризация внешнего шума приводит к «опустошенности», наполненности внутреннего мира чужими словами. Доминирование слов «роли», рационального искусственного начала во внутреннем диалоге героев лишает способности творения. Звучащие в микродиалоге Самгина «реальные» слова, позволяющие оценивать фальшь происходящего, остаются невыраженными, произнесенными. Внутренний протест героев при отсутствии утверждения собственной воли обнаруживает невозможность противостоять движению истории.

В результате проведенного исследования определены условия возникновения и разрушения диалогических отношений в романах «Бесы» и «Жизнь Клима Самгина», раскрыто своеобразие диалогизма в композиционно выраженных диалогах произведений. Выявлено, что разрушению диалогического взаимодействия способствует доминирование «фиктивных», повторяющихся, социально-политических одноголосых слов, остающихся не воспринятыми героями, создающих хаос бесконечных словопрений. Монологизм диалога, отображающий одержимость общественными теориями, способствует подавлению «реального» голоса героев, искажению личности завершением, является отражением распада диалогического взаимодействия как универсальной связи человечества. Создается ситуация обмена монологическими репликами, не воспринимаемыми потенциальными реципиентами и не получающими ответа. При этом значимой показана возможность установления подлинных диалогических отношений в композиционно выраженном диалоге, способствующих преодолению раздробленности, нахождению единства, истины, пути спасения от социального «бесовства».

В романах «Бесы» и «Жизнь Клима Самгина» монологизм композиционно выраженных диалогов выступает в качестве особенности диалогизма произведений, не являясь отражением полного разрушения диалогических отношений. Основным в композиционно выраженных диалогах становится принцип диалогизма. В диалоге происходит нахождение и выражение собственных «реальных» слов и мыслей; обнаружение противоречивости человеческой личности, причин ее зараженности социально-политическим «бесовством»; раскрытие «внутреннего человека», его «незавершенности и нерешенности».

Анализ романов по методологии М.М. Бахтина позволил осмыслить поэтику произведений в контексте их смыслового содержания. Одержимость героев социально-политическими «фиктивными» словами, подавление собственной личности, невысказанность своего слова приводят к монологизации диалога, отражающей губительность засоренности «пылью», «метелью» «фиктивных» слов различной идеологической наполненности, следствием чего выступает всеобщее разрушение при необходимости созидания. Диалогическое взаимодействие героев способствует достижению утраченного единства в социальных словопрениях и словоизлияниях, установлению универсальных связей. В диалоге полифонического произведения раскрываются и утверждаются вневременные ценности, значимые для существования человека и общества в целом.

**Основное содержание диссертационного исследования отражено в
следующих работах:**

**статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах и
изданиях, рекомендованных ВАК РФ:**

1. Спирягина О.А. Монологизм композиционно выраженных диалогов в романе М. Горького «Жизнь Клима Самгина» // *European Social Science Journal* («Европейский журнал социальных наук»). – Рига-Москва: АНО «Международный исследовательский институт». – 2012. – № 7 (23) (перечень ВАК). – С.103-107.

2. Спирягина О.А. Внутренняя диалогизация образа Клима Самгина // *Ученые записки Казанского университета. Серия гуманитарные науки*. – Казань:

Издательство Казанского университета. – 2012. – Том 154. Книга 2 (перечень ВАК). – С.117-122.

3. Спирыгина О.А. Монологизм композиционно выраженных диалогов в романах Ф.М. Достоевского «Бесы» и М. Горького «Жизнь Клима Самгина» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота. – 2012. – №2 (13) (перечень ВАК). – С.131-135.

Другие публикации:

4. Спирыгина О.А. «Фиктивное» слово в романах М. Горького «Жизнь Клима Самгина» и Ф.М. Достоевского «Бесы» Текст. Произведение. Читатель: материалы международной научно-практической конференции 3-4 июня 2012 года. – Пенза – Казань – Решт: Научно-издательский центр «Социосфера», 2012. – С.23-26

5. Спирыгина О.А. Зооморфная символизация образа Николая Ставрогина в романе Ф.М. Достоевского «Бесы» // Текст. Произведение. Читатель: Материалы всероссийской научной конференции, 11 – 13 октября 2007 года. – Казань: РИЦ «Школа», 2008. – С.203-207.

6. Спирыгина О.А. Диалогизм как художественный принцип в диалогах романа Ф.М. Достоевского «Бесы» // Сборник материалов Республиканского конкурса научных работ студентов и аспирантов на соискание премии им. Н.И. Лобачевского. В 3 томах. Том II / Сост. Хисматуллин И.М., дизайн Чернышев В.А. – Казань, 2008. – С.161-162.

7. Спирыгина О.А. Отражение световой символики в топонимической и пространственной характеристиках в романе Ф.М. Достоевского «Бесы» // Филологическая наука в XXI веке: взгляд молодых. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых (Чтения имени профессора Сергея Александровича Леонова) 7-8 декабря 2007 года. – М.-Ярославль: Ремдер, 2007. – С.157-161.

8. Спирыгина О.А. Осмысление критикой принципа диалогизма Ф.М. Достоевского (на материале романа «Бесы») // Текст. Произведение. Читатель: материалы II Всероссийской научной конференции, 15-16 октября 2010 года. – Казань: Изд-во МОиН РТ, 2011. – Вып.2. – С. 137-141.

9. Спирыгина О.А. «Реальное» и «фиктивное» в слове Клима Самгина (роман М.Горького «Жизнь Клима Самгина») // «Евразийство и проблемы современной науки». Коллективная монография. – Казань: КГУКИ, 2012. – С. 226-230.